

DOI 10.31162/2618-9569-2020-13-2-330-348
УДК 2.29.297

Original paper
Оригинальная статья

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

М.А. Сафаров^{1а}, Э.М. Сеитов^{2б}

¹Институт экономики и управления в промышленности, г. Москва, Российская Федерация

²Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3009-4055>, e-mail: safarov84@mail.ru

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1743-1352>, e-mail: telcorp@list.ru

Резюме: Изучение государственно-религиозных отношений в СССР, а также повседневной жизни верующих требует использования новых источников. Публикуемые впервые фрагменты отчета этнографа Г.П. Снесарева, посвященные бытованию ислама среди касимовских татар, позволяют зафиксировать ситуацию переломного момента. Отчет, датированный концом 1943 года, демонстрирует реальную картину отражения на местах нового курса советского руководства по отношению к религии. Детально собранные Г.П. Снесаревым сведения о распространении обрядовых практик, процессах секуляризации, «жизни без мечети», статусе женщин и др. существенно расширяют знания в области социальной истории, положения ислама в СССР.

Ключевые слова: ислам; мечеть; татары; Касимов; молитва; Коран; обряды; антирелигиозная работа; колхоз

Для цитирования: Сафаров М.А., Сеитов Э.М. «Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):330-348 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-330-348

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

«If the mosques open, who will visit them?»: Kasimov Tatars religious life in 1943 on the basis of the data by G.P. Snesev

M.A. Safarov^{1a}, E.M. Seitov^{2b}

¹*Institute of Economy and Management in Industry, Moscow, the Russian Federation*

²*Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3009-4055>, e-mail: safarov84@mail.ru

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1743-1352>, e-mail: telcorp@list.ru

Abstract: Studying the everyday life of the religious and understanding the relations between the USSR government and the religion requires insertion of new sources of information. Fragments of the materials by G.P. Snesev devoted to the existence of Islam among Kasimov Tatars first published in this paper makes it possible to find out the key junctures in the history of the religion. Dated by the end of 1943 this report demonstrates the realities of the new Soviet policy towards the religion. Detailed information about the spreading of ritual practices, about the processes of secularization, describing the «life without a mosque» and the status of women of the period expands our knowledge of the social history and the situation with Islam in the USSR.

Keyword: Islam; mosque; Tatar; Kasimov town; pray; Qur'an; ceremonies; anti-religious work; kolkhoz

For citation: Safarov M.A, Seitov E.M. «If the mosques open, who will visit them?»: Kasimov Tatars religious life in 1943 on the basis of the data by G.P. Snesev. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2): 330-348 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-330-348

Введение

Публикуемый архивный источник 1943 года под названием «Отчет о командировке в Касимовский район Рязанской области с целью ознакомления с религиозными настроениями населения и деятельностью религиозных организаций» составлен Глебом Павловичем Снесаревым (1910–1989). Автор отчета – на тот момент научный сотрудник и заведующий отделом ислама Центрального музея истории религии и атеизма, находившегося в ведении Союза воинствующих безбожников и расположенного в Москве.

Имя Г.П. Снесарева хорошо известно всем исследователям этнографии народов Средней Азии. Его научная деятельность, включающая многочисленные статьи и ряд монографий, преимущественно концентрировалась вокруг

изучения религиозных культов населения Хорезма [1, 2]. Во многом благодаря Снесареву были заложены представления об особенностях «народного ислама» у узбеков, впоследствии детально разработанные В.Н. Басиловым [3, 4]. Знание мусульманской догматики и особенно обрядности, специфики повседневной религиозной жизни тюркоязычных мусульман, почерпнутые в ходе продуктивной деятельности в Центральном Государственном музее УзССР (Самарканд) в начале 1930-х гг., участие в экспедициях позволили Глебу Снесареву быстро выдвинуться на общесоюзном уровне в качестве видного специалиста по этнографии ислама. Очевидно, что он проявлял интерес не только к академической, но и к партийно-пропагандистской деятельности, особенно учитывая тесную взаимосвязь фиксации «религиозных пережитков» с текущей антирелигиозной работой. Публикуемый отчет придал импульс дальнейшей карьере молодого этнографа, вскоре вступившего в ВКП (б), а с 1945 года служившего в органах МГБ. Впрочем, в 1952 году Снесарев был уволен из МГБ и перешел на работу в Институт этнографии АН СССР.

Характеристика источника

Отмеченные факты биографии автора отчета тесно взаимосвязаны с характером самого источника – его глубиной и тщательностью, демонстрацией научного опыта еще молодого ученого. В то же время ощущается откровенность оценок, позволительная лишь узкому кругу ответственных работников, умение лаконично изложить «оперативную информацию». Именно год создания отчета (1943) придает источнику наибольшую ценность. Приехав в Касимовский район поздней осенью 1943 года, Г.П. Снесарев застал переломный момент смены курса советской политики по отношению к верующим. 4 сентября 1943 года в Кремле состоялась историческая встреча Сталина с высшими иерархами Московской патриархии, положившая начало строго контролируемой легализации церковной жизни. Вскоре данные процессы будут характерны и для политики в отношении ислама. Причины смены курса активно изучаются в историографии (О.Ю. Васильева, М.В. Шкаровский, Д.В. Поспеловский), их анализ выходит за рамки нашей публикации, однако в самом источнике зафиксирована любопытная деталь: мнение верующих о желании советского руководства заручиться поддержкой союзников по антигитлеровской коалиции (отход от крайних форм гонений на верующих именно в 1943 году Д.Н. Поспеловский увязывал с условиями, поставленными со-

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

юзниками по открытию Второго фронта). Подобных отсылок к глобальным событиям хода войны в оценках и репликах рязанских колхозников довольно много. Весьма откровенно Снесарев пишет и о растерянности партийно-пропагандистских работников Касимовского района перед «новым курсом», фактическом развале антирелигиозной агитации. Впрочем, убедиться в кризисном состоянии деятельности Союза воинствующих безбожников Снесарев мог не только в реалиях провинции, но и в Москве, где активная работа была свернута уже с началом войны.

Впервые упоминание об этом уникальном документе было найдено нами в статье историка советской этнографии С.С. Алымова [5, с. 69–88]. Поиск в личном (пока не обработанном, без описи) фонде Снесарева в архиве ИЭА РАН позволил обнаружить этот ранее не опубликованный источник. Структурно он состоит из пяти частей (общий объем – 30 л.) и содержит подробный анализ состояния религиозной жизни православных, сектантов-пашковцев и мусульман. Не проходит мимо проницательного Снесарева и возникшее в начале войны в ряде русских деревень близ Касимова движение поклонников спиритизма.

Исламу посвящена четвертая часть отчета. Здесь стоит отметить упоминание Снесаревым его первой поездки в Касимов, состоявшейся в 1928 году, когда он застал быт старой татарской деревни, еще не испытавшей коллективизации, массового исхода и выселения местных зажиточных татар. Снесарев хорошо знаком с особенностями истории касимовских татар, их былой приверженностью к торговле, отходничеству, раннему (по сравнению с другими группами татар) взаимодействию с русскими. Отмечая характерные для касимовских татар ассимиляционные процессы и секуляризацию (в том числе упоминая о репрессиях по отношению активной религиозной прослойки в ходе коллективизации), он указывает и на все еще стойкое бытование похоронных обрядов, стремление татар сохранить сакральные места (кладбища) в их этноконфессиональной целостности, а также – на заметную отчужденность старшего поколения татар от русских. Видно и его недоверие к «официальным» сведениям, предоставляемым информантами, желание перепроверить и расширить полевой материал, определенный барьер, невозможность полностью проникнуть в мир пусть и разоренной, но настороженной деревни. Это особенно проявляется именно в «мусульманской» части отчета. К примеру, Снесареву так и не удалось полностью выявить деятельность местных

мулл закрытых мечетей (здесь необходимо пояснить, что активно обсуждаемый в отчете возможный процесс возобновления мечетей в Касимове и татарских деревнях района так и не состоялся).

На наш взгляд, отчет не отражает полной картины жизни татарского населения ввиду статуса Снесарева среди местных жителей как человека «присланного из Москвы». Это проявляется в сведениях, когда Снесарев передаёт положение дел со слов информантов, не видя и не фиксируя многое из обрядовой сферы, которая для него была в значительной мере скрыта. Остается только догадываться, какие из полученных сведений, приведенных в отчете, имели место быть, а какие – лишь попытка информантов оградить себя от вмешательства государства, обезопасить и т. д.

Не стоит упускать из внимания и постулируемые в отчете взгляды самого Г.П. Снесарева в отношении религии, во многом обусловленные эпохой активного построения нового общества, в котором не было место для такого явления, как религия.

В целом через весь отчет, несмотря на его бодрый тон, проявляется трагедия русской и татарской деревни, прошедшей коллективизацию и вступившей в полосу новых испытаний времен войны.

Вывод: Интерес крупных русских ученых-востоковедов к Касимову и касимовским татарам, их поездки, сбор и анализ материала – давняя традиция. Среди наиболее известных публикаций – работы Б.А. Куфтина [6], Е.Д. Поливанова [7], В.А. Гордлевского [8]. Духовная и материальная культура касимовских татар, их многовековая жизнь среди русского населения, город среди мещерских лесов, наполненный памятниками мусульманской и православной старины, неизменно интересовали ученых. Отчет Г.П. Снесарева при всех его прикладных задачах – в череде этих работ.

Кроме того, источник фиксирует бытование ислама у одной из групп татар после завершения наиболее активной фазы антирелигиозной кампании и перед утверждением института уполномоченных Совета по делам религиозных культов, в чью компетенцию начали входить именно мусульмане. Отчет Снесарева, посвященный локальным сведениям, тем не менее позволяет увидеть многие универсальные тенденции повседневной религиозности в СССР 1940-х гг.

Данная публикация полностью включает в себя раздел отчета, посвященный исламу, а также фрагменты о жизни татар-мусульман Касимовского района из других частей источника. Авторская орфография документа сохранена.

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

Отчет о командировке в Касимовский район Рязанской области с целью ознакомления с религиозными настроениями населения и деятельностью религиозных организаций

В Касимовском районе Рязанской области население по своему вероисповеданию распадается на две основные группы: православных и мусульман. В некоторых местах района довольно много сектантства и старообрядцев.

Православие и прежде и теперь стоит на первом месте по количеству верующих. В самом Касимове, сравнительно небольшом городке (16. 000 жителей – дореволюционные цифры), имелось в прошлом 13 церквей и 1 женский Казанский монастырь. О количестве церквей по уезду можно судить лишь по цифрам сельских приходов, которых насчитывалось до 50-ти.

Мечетей в городе было две. Данных по количеству мечетей по уезду нет, но о нем можно судить хотя бы потому, что в четырех больших татарских деревнях (Торбаево, Болотце, Подлипки и Царицыно), расположенных одна от другой в среднем на расстоянии трех километров, в каждой имелось по мечети. Всего насчитывалось в прошлом 27 татарских селений.

Ислам в Касимовском царстве, образованном в XIV веке в качестве буферного государства против Казанского ханства, и позднее в Касимовском уезде, не подвергался такому притеснению, как это было в других мусульманских районах царской России. Миссионеры в Касимовском уезде не развивали такой бурной деятельности, как например, на Поволжье. Очевидно с этим, а также с длительным мирным соседством с православным населением, можно объяснить отсутствие среди касимовских татар в прошлом резкого мусульманского фанатизма. Это сказывается и в наши дни – татарское население и ранее (отмечалось во время моего пребывания здесь в 1928 году) и теперь сравнительно равнодушно относится к вопросам ислама.

На тему последних событий (избрание патриарха и др.) среди верующих идут весьма оживленные толки, самого разнообразного характера. Некоторые из них достигают крайнего предела нелепости. Одним из обычных мотивов подобных толков является, по словам тов. Лобзоевой, утверждение, что «как только священство взялось за дело, сразу на фронтах начались наши победы». Много, конечно, разговоров и о «нажиме» со стороны союзников. Очень резко реагируют на последние церковные события сектанты, о чем речь будет ниже. Характерные вопросы задаются музейным сотрудником, работа-

ющим в помещении бывшей мечети: «Разве наш музей не закрывается? Ведь церкви снова начинают действовать» и т. д. Встречаются, по словам тов. Жуковской, и нелепые утверждения, что руководители партии вернулись к вере в бога. Агитаторам задается много вопросов о связи с приемом духовенства тов. Сталиным, избранием патриарха, созданием синода. Среди татарского населения, как отмечает педагог Шолохова, заметно было большое недоумение: «Как же так, говорили женщины, привыкли – бога нет, бога нет, а тут сразу и духовенство стали принимать в Кремле». Верующие старушки, по словам Шолоховой, торжествуют. «Сознались, наконец, что бог есть; как началась война, так к богу и вернулись». Недоумение перед последними церковными событиями характерно для многих слоев населения и есть основание предполагать, что разъяснительная работа здесь стоит не на должной высоте. «Мы сами ничего не понимаем в том, что происходит», сознались педагоги Болотцинской школы, «как же нам отвечать на вопросы, которые задают».

***

Ислам имеет в районе значительно меньший удельный вес и среди татарского населения не чувствуется даже того относительного оживления, которое можно заметить в среде православных верующих. В районе нет ни одной действующей мечети [подчеркнуто авт.] и мне не встречались указания на то, что мусульмане собираются нелегально в частных домах. Мало того, даже о разговорах по поводу открытия мечети по примеру православных церквей свидетельств чрезвычайно мало. Правда, о подобном равнодушии татар к вопросам культа слышишь главным образом от работников районного центра, которые имеют довольно смутные представления о религиозной жизни на местах. Те лица, которые стоят ближе к населению говорят об ином. Так председатель Торбаевского сельсовета тов. Буйрашева утверждает, что если будет дано разрешение открыть мечеть, верующие с радостью пойдут на встречу, отремонтируют и оборудуют её, выделяют хлеб с трудодней и т. д. Она и верующая Найма Муратова отмечают, что среди татар начались разговоры об открытии мечетей, «хотя бы одной на четыре деревни сельсовета», сейчас же после открытия Никольской церкви в Касимове. О том, что поговаривают об открытии мечетей я слышал и от колхозницы Сарвар Ушаковой и от секретаря партийной организации тов. Токкузиной и от других лиц. Правда нельзя сказать, что подобные разговоры происходят открыто и затрагивают значительную

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

группу населения. Все лица, с которыми приходилось беседовать, сходятся на том, что здесь инициатива исходит исключительно от стариков и старух.

От ряда лиц я слышал, что верующие мусульмане часто задают следующий вопрос: «Если откроются мечети, то кто же будет их посещать»? [подчеркнуто авт.] Вопрос на первый взгляд может показаться странным, если принять во внимание, что мечеть в религиозной жизни мусульман всегда играла огромную роль. Но специфические особенности ислама объясняют в чем тут дело.

Прежде всего, согласно шариату женщина не имеет права посещать мечеть, она всегда молилась дома. Попытки выяснить, не существовали ли за последние десятилетия отклонения от этого правила («прогрессистские» влияния) дали отрицательный ответ. Сейчас, когда основное население деревень женщины и молодежь мечеть действительно может оказаться пустующей. Правда есть намеки на то, что в кругах верующих (свидетельство Наймы Муратовой) происходят весьма любопытные дискуссии по этому вопросу и подыскиваются оправдания разрешению женщинам посещать мечеть. Это уже обо многом говорит. Некоторые лица даже откопали в коране место, где сказано, что могут быть в истории мусульманской общины такие времена, когда в зависимости от обстоятельств женщинам может быть разрешен свободный доступ в мечети.

Многое объясняет и то обстоятельство, что среди касимовских татар, и это единогласно подтверждают многие лица, религиозные традиции поддерживались именно женщинами, а не мужчинами: широко развитое среди касимовских татар отходничество (содержатели буфетов, официанты и т. д.), долговременное пребывание мужчин среди русского населения наложило в прошлом известный отпечаток на религиозные настроения мужской части населения. Еще во время выезда в Касимовском районе в 1928 году мне бросилось в глаза сравнительное равнодушие к вопросам религии. Уже тогда мечеть в Касимовском районе не имела такого значения, какое она имела где-нибудь в Средней Азии и других местах.

Далее – 1929 и 1930 гг. – года коллективизации – связаны с известной убылью татарского населения, так как значительная прослойка среди татар была раскулачена (процент зажиточных и связанных с торговлей, буфетами, ресторанами ранее был очень велик); многие татары сами ликвидировали свои хозяйства и переселились, что было подготовлено их исконной склонностью ко всяким отхожим промыслам. По-видимому, значительно поредела

имена та часть татарского населения, где религиозные традиции, хотя бы в форме «привычного ислама», были наиболее живучи.

Во всяком случае, по словам тов. Токкузиной в период, следующий за годами коллективизации, мечети уже пустовали. В эти то годы и происходило закрытие мечетей и использование их под хозяйственные и культурные надобности (деревня Болотце – склад, Подлипки – склад, Торбаево – сельмаг, Царицыно – клуб¹). Даже старики, как говорит Токкузина, давали согласие на закрытие мечетей, прося лишь не снимать со шпилей куполов религиозной эмблемы – полумесяца. От этих свидетельств отличается сообщение тов. Лобзоевой, которая отмечает, что «татары очень болезненно переживали закрытие мечетей, а сейчас о них и не вспоминают».

Таким образом, можно с определенностью сказать, что если и идут разговоры об открытии мечетей, то инициатива исходит целиком от верующих стариков и старух. В связи с подобными разговорами перед председателем сельсовета тов. Буйрашевой встал вопрос как сельсовет должен реагировать на возможное ходатайство верующих. В частной беседе с тов. Буйрашевой я рекомендовал ей учесть все обстоятельства – численность верующих, их состав, состояние зданий мечетей, а также и то, на мой взгляд серьезное обстоятельство, что, как говорит сама тов. Буйрашева, не исключена возможность нежелательных разговоров о том, что «вот русским разрешили открыть церковь, а татарам не позволяют» и т. п.

Если мусульманский культ, связанный с посещением мечетей, в районе не дает себя знать, то это не означает, что среди верующих религиозная жизнь замерла совсем. Мое пребывание в татарских деревнях совпало с последней неделей уразы и я, живя в домах верующих, мог наблюдать, какими интересами живут они в эти столь важные для каждого мусульманина дни религиозного календаря.

Ураза (пост) соблюдается главным образом стариками и старухами. Я не слышал ни об одном факте говения среди молодежи. И тов. Шолохова, и тов. Токкузина, и учителя Болотцинской школы, так же как и педагоги города Касимова, утверждают, что учащиеся татары уразы не соблюдают. Самое большое, чем они отмечают праздничные дни это одежда понаряднее и разговорами о специальных кушаньях, которые по традиции приготавливаются

---

¹ Кстати, как с некоторой тревогой заметила тов. Буйрашева, закрытие этих мечетей в свое время не было оформлено [примечание Г.П. Снесарева].

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

в дни праздников в каждом татарском доме. Молодежь постарше отмечает праздник приемом гостей, угощением, при этом как свидетельствуют очень многие лица, и парни и девушки-татарки много пьют вина и водки – явление, резко порицаемое исламом – за что подвергаются нападкам со стороны верующих стариков и старух.

Тов. Шолохова отмечает, что если уразу взрослые и соблюдают, то приписываемая в эти дни пятикратная [подчеркнуто авт.] молитва совершается не всеми говеющими. «Все время работаешь на полях, весь в грязи, а нечистым становиться на молитву все равно грешно», рассуждают колхозницы. Это уже специфическое для последнего времени отклонение от правил мусульманской религии. Есть случаи, по словам той же Шолоховой, когда верующая мусульманка по тем или иным обстоятельствам, не соблюдая уразы, нанимает за себя постороннего человека, оплачивая это мукой или другими продуктами.

В праздник Курбан-Байрам традиционное жертвоприношение не совершается верующими уже в течение 10–12 лет. Здесь, по словам тов. Буйрашевой, сказалось запрещение этого обряда властями, строго проводимое все последние годы. Для последнего времени характерны рассуждения верующих по данному вопросу: «Животное важнее для моего хозяйства, чем для праздничного жертвоприношения». Лишь тов. Шолохова сообщила мне об единичном случае жертвоприношения – верующая старуха в прошлом году зарезала в Курбан-Байрам козу и мясо раздала бедным.

Запрет употреблять в пищу мясо свиньи соблюдается гораздо строже, хотя к молодежи опять-таки не относится. Свиней в татарских деревнях не разводят до сих пор. Объяснение по этому поводу тов. Токкузиной – «не умеют за ними ухаживать» – явно недостаточно. Несомненно, что старые религиозные традиции дают о себе знать. Были отдельные попытки заняться этим видом животноводства; так секретарь сельсовета Токкузин завел свиней, но жена наотрез отказалась за ними ухаживать. В деревне Подлипки (сообщение Шолоховой) свиньи были у колхозников, эвакуированных из Смоленской области, но их приходилось держать взаперти, так как «ребятишки забрасывали их камнями». Тов. Шолоховой приходилось выдерживать целую войну со своими квартирными хозяйками-татарками, когда она в шутку пообещала купить свинины. «Меняй тогда квартиру», – заявила первая; «Держи тогда отдельную посуду», – решила вторая. Несколько лет тому назад, по словам

старухи Дажадаевой, в Торбаево завели свинарник, но это дело не привелось, свиней продали и на деньги купили овец и коров.

Очень мало осталось от старых религиозных обрядов при свадьбах, рождении и воспитании детей, похоронах и т. д. Браки по религиозным обычаям отрицаются почти всеми лицами. Лишь тов. тов. Буйрашева и Муратова говорят, что «никах (религиозное бракосочетание) производится чрезвычайно редко и скрытно». По их словам, обычай давать калын (выкуп за невесту) прекратил свое существование со времен революции. Правда, как показали дальнейшие распросы, кое-какие следы этого обычая еще сохранились: невеста представляет жениху своего рода смету, куда входят продукты на трехдневное пиршество, платья и туфли, шали и т. д. Но сейчас, если жених не в состоянии всего этого выполнить, брак все равно совершается. Талак – развод по шариату – по словам старух вообще всегда был редким явлением у касимовских татар, так же, как и многоженство и ранние браки. Ничего, конечно, не осталось от обычая закрывать лицо, который у касимовских татар никогда не был особенно распространен. Все лица категорически отрицают наличие обряда суннат (обрезание мальчика). Некоторые объясняют это тем, что нет специалистов для его совершения. Детям, по словам Токкузиной, дают исключительно революционные имена (Жим, Роза и т. д.), но это утверждение при проверке оказалось тенденциозным – почти все ребята носят старые мусульманские имена (Жимал, Рауза и т. д.).

Вера в магическую силу амулетов (местное название петеу) еще живет в сознании верующих. Носят петеу, по словам Шолоховой, главным образом грудные дети и дошкольники. Петеу делают сами матери детей или грамотные по-арабски старухи (хозяйка Шолоховой²). Весьма любопытно сообщение Найли Байбековой, комсорга, эвакуированной из Ленинграда студентки. По её словам среди татар петеу стали изготавливать особенно часто с началом войны. Когда она сама уезжала на оборонительные работы, её мать сделала петеу и надела на неё «на всякий случай».

Более чем в других обычаях ислам сохранился в похоронных обрядах. Кладбища, при отсутствии мечетей, по-видимому, сделались единственным и популярным местом культа. Деревья на кладбищах до сих пор почитаются как священные. Рубить их – грех. Когда в Подлипках еще до войны председатель

---

² Она же лечит детей заговорами – шепчет над маслом, которое приносят ей матери больных детей, различные молитвы; этим маслом мажут больные места [примечание Г.П. Снесарева].

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

колхоза разрешил снимать на дрова березы, растущие на кладбище, это встретило резкое недовольство верующих: «Что-нибудь случится». И болезнь этого председателя верующие объяснили «божьим наказанием». В похоронных обрядах также имеется отступление от правил шариата – молодые женщины ходят на похороны. Тов. Токкузина объясняет это тем, что «мужчин нет, нести покойника некому». На кладбищах по покойнику читают коран специальные лица, о которых речь будет ниже. Читают по покойнику и на дому умершего. По умершим детям тоже читают по желанию родителей. Похоронные принадлежности в деревнях имеются, и кафан (саван) и табут (носилки), но так как мечетей нет, то табут и стол для омовения покойника стоят обычно в пожарном сарае (ранее находились в овчарне). И сейчас еще ковер или платок, которым покрывается покойник, отдают по старому обычаю мулле или лицу, его замещающему.

Очень труден для выяснения вопрос о том, каким образом организовано окормляется религиозная жизнь верующих, существует ли лицо или группа лиц, руководящая мусульманским культом. Большинство официальных лиц отрицают, что подобные руководители имеются в районе. Тов. Буйрашева заявила, что если и открыть мечети, то служить будет некому – мулл нет. Но и она, и Муратова после дальнейшего уточнения вынуждены были согласиться, что служителей культа дает Касимов и называли даже имена бывшего муллы, служащего сторожем на Касимовском кладбище, и еще двух-трех бывших служителей культа. В деревнях Подлипки и Торбаево живут бывшие азанчи – в Торбаево слепой Закир-мулла, в Подлипках Абдулла, которые ходят читать коран в дома верующих по приглашению. Хорошо грамотные по-арабски лица весьма скептически отзываются о них, говоря, что «читают они коран с ошибками». Но беседы с другими лицами, главным образом с верующими, позволяют догадываться, что какая-то организационная связь между мусульманами деревень имеется и, по-видимому, руководство осуществляется касимовским муллой. Мне пришлось слышать разговоры среди верующих, что «кажется, касимовский мулла уже установил размер праздничного фитра до 15 рублей³. У нас его решили отдать слепому Закиру». Из тех же разговоров стало ясно, что кто-то хлопочет о возможности получить помещение для общей молитвы в день праздника Рамазан. «Мне предложили дать свою избу для праздничной службы, я не против», – рассказывала мне верующая Мири-

³ Фитр – обязательная в дни конца уразы милостыня [примечание Г.П. Снесарева].

ам Абузова. О том, что верующие мусульмане собираются снять помещение для общего богослужения, слышал я и из других источников (деревня Болотце). По-видимому, между Касимовым и татарскими деревнями существует в этих вопросах постоянное общение. По словам Шолоховой, «жена бывшего муллы сейчас, в предпраздничные дни, ходит по деревням. Сама она из Подлипков, после с мужем уехала в Касимов». Более точных данных по этому вопросу получить не удалось. Тем более трудно составить себе представление о том – имеется ли какая-либо связь у касимовских мусульман с ЦДУМом⁴.

Особняком хочется отметить одно обстоятельство, которое всплывает при разговорах с верующими. Это – отношение их к молодежи. Вопрос взаимоотношения русской и татарской молодежи, а также вопросы нравственности – самые слабые струнки в психологии верующих мусульман. Пожалуй, больше, чем в других вопросах, здесь сохранилось влияние ислама. Верующие мусульмане, преимущественно люди пожилого возраста, как-то болезненно переживают то, что в среде молодежи стерлась национальная грань, которую во все времена так ревностно защищала мусульманская религия. Русская и татарская молодежь живет в одних и тех же деревнях, вместе работает, вместе отдыхает. Девушки-татарки поют русские частушки, гуляют с русскими парнями. Татары женятся на русских. Председатель колхоза т. Комаров приводил мне мнение двух татар – инвалидов Отечественной войны – собиравшихся жениться на русских девушках. По их словам, «русские лучше приспособлены к работе. Русская женщина – лучшая помощница мужчины». Между прочим, мать одного из них резко протестует против предполагаемого брака. Такое же недовольство я подмечал и в высказываниях ряда верующих. Тов. Комаров говорит, что «верующие татары с некоторым пренебрежением относятся к русским». В этом – остаток старых мусульманских традиций. «Все смешалось, превратилось в кашу – и русские, и татары. Как можно это допускать, ведь у русских свой закон, у татар – свой», – рассуждает Мириам Абузова, еще не старая верующая колхозница. Шолохова из Подлипков говорила мне, что верующие татары решительно отказываются хоронить русских на своем кладбище, и покойника приходится увозить в другие деревни. «Пятимесячного ребенка еще кое-как с края похоронили; ему сделали скидку: некрещенный – безгрешный». Она же говорила, что верующие ругались, когда русские, работавшие тут же на поле, пошли взглянуть на мусульманские похороны («оскверняют»).

⁴ Центральное Духовное управление мусульман в Уфе.

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

По ее же словам, «старухи очень осуждают тех татарок, которые вышли замуж за русских. Знаю одну женщину, она очень беспокоится, что дочь ее живет среди русских – как бы не вышла замуж». Интересно, что подобное противопоставление верующие проводят и в вопросах религии. По словам Токкузиной, она слышала от грамотных лиц рассуждения о том, что «мы вспоминаем Мухаммеда, потому что он был историческое лицо, а у русских Христос никогда не существовал». И еще до 1929 года, как говорит Токкузина, с удивлением смотрели, когда русская и татарская молодежь пела и танцевала вместе. Сейчас это стало обычным явлением, к этому привыкли, и только в сознании верующих старые традиции сохраняются в виде подобного пережитка.

Все источники отмечают, что татарская молодежь совершенно равнодушна к вопросам религии. Я бы сказал, что в этом она опередила молодежь русскую. И это становится понятно, если вспомнить одну специфическую сторону мусульманской религии. Не только догматика, но и обрядность ислама целиком связана с кораном. Богослужение в мечети, ежедневный намаз, праздники, свадебные и похоронные обряды – все это основано на знании корана, на умении его читать. [подчеркнуто авт.] Фактически тому, кто не знает аятов (молитв) на арабском языке в мечети делать нечего, так как в противоположность православию мусульманин на родном языке молиться не может. Что остается мусульманину без корана? Чисто внешнее соблюдение обрядов, без понимания их смысла. Переводы корана на другие языки строго запрещены исламом.

В вопросах преодоления ислама огромную роль играет фактор времени: с каждым годом уменьшается число лиц, владеющих языком корана, знающих молитвы, предания и т. д. Растет молодежь, чуждая всему этому. Если в православной церкви с ее пышной обрядностью мальчик или девочка еще с интересом смотрит на иконы, свечи, убранство церкви, облачения, то в мечети, где нет ничего подобного, даже внешнее любопытство не может быть удовлетворено. И если среди «мусульманской» молодежи еще живут какие-то религиозные традиции, то они целиком поддерживаются устными наставлениями, рассказами и т. д. А им наша школа противопоставляет писанное мировоззрение, крепко остающееся в головах детей. Становятся понятными те недоуменные вопросы, которые слышны в татарской среде: «как мы будем ходить в мечеть, если не умеем молиться? Кто будет нами руководить во время богослужения?» и т. д.

***

Самостоятельный труд нашей работницы, колхозницы, сознание того, что она является хозяйкой своей судьбы, что она надеяться может только на свои силы, а не какого-то «небесного кормильца», играет огромную роль в процессе отхода от религиозных традиций и особенно характерны для условий военного времени. «От бога отвыкли», – приводила мне тов. Королева слова многих колхозниц. Она же рассказывает, что колхозницы не ездят в касимовскую церковь. «Молись, где хочешь и когда хочешь, а днем нам не до этого, днем мы работаем», – говорят они. Эти настроения особенно характерны для населения тех деревень, тех колхозов, где работа построена крепко, люди сработались, результаты труда богатые. В зажиточном колхозе деревни Дмитриево, по словам тов. Головановой, никогда не наблюдалось случаев самовольного ухода с работы в дни праздников. То же отмечает председатель богатого колхоза тов. Кленов. «Мы на своем труде сами преобразились», говорят колхозницы татарской деревни Торбаево (сообщение Токкузиной).

Этот процесс отхода женщин от старых традиций тем резче, чем больше разница между нынешнем производительным трудом и прежней жизнью за спиной мужа, отца, брата. В первую очередь этот относится к женщине татарке. По всем полученным данным татарке пришлось испытать в этом отношении большой перелом. Даже в довоенные годы, уж не говоря о времени, предшествовавшем коллективизации, татарка принимала весьма слабое участие в полевых работах. На этом единогласно сходятся все источники. Председатель колхоза тов. Комаров говорит, что до войны в татарских деревнях приглашали лиц со стороны на полевые работы, женщин татарок в полях было мало, а теперь бывшие домашние хозяйки удивляются, «как это мы сами управляемся, без посторонней помощи». Правда есть еще трудность; тов. Комаров говорит о том, что ручные работы (молотьба цепом, косьба) еще с трудом дается женщине татарке. Но лиц, овладевающих техникой сельского хозяйства, среди них становится все больше. И все чаще, по словам Шолоховой, слышно от колхозниц татарок слова: «Молиться? А кто за меня работать будет!». Полушутя, полусерьезно, колхозница Сарвар Ушакова задает мне вопрос: «Ну, откроют мечеть. Скажут, идите. А как мы молиться то будем – все позабыли». Некоторые рассуждения татарок колхозниц, откликающихся на последние церковные события, весьма любопытны: «Разве Сталин нас будет

Сафаров М.А., Сеитов Э.М.

«Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева

заставлять ходить в мечети. Мы стали сознательнее. Разве ты пойдешь в мечеть или поведешь своего ребенка?» (Сообщение Токкузиной). Старуха Забида Дажадаева 70-ти лет говорит: «Вот я с 1917 года лишилась мужа. Осталась с кучей детей. Как я могла молиться, справлять религиозные обряды, когда в моих мыслях была лишь работа, работа не покладая рук». Кстати Дажадаева в прошлом один из организаторов колхоза, агитаторша-активистка. Когда я уходил из деревни Торбаево в Касимов, мне встретила одна пожилая колхозница. Цель моего приезда она знала и спросила о результатах работы. Затем молча протянула вперед свои руки, показала. «Вот видишь? Вот это – наш бог. Так и скажи в Москве Сталину».

Вопросами изучения религиозных настроений и деятельности религиозных организаций в районе никто не занимается и интереса к ним со стороны местных организаций не чувствуется. Районный Совет СВБ⁵ давно уже прекратил свое существование. Низовых ячеек нет. Бывший председатель Райсовета СВБ тов. Мартишкин от антирелигиозной работы отошел совершенно. Из старых активисток мне назвали в Райкоме только товарищей Шустову и Левинец – педагогов-химиков, в свое время выступавших с антирелигиозными лекциями. В настоящее время доклады по тематике ЦС СВБ не читаются. Но вопросы, затрагиваемые ею, включаются в ряд тем отдела Пропаганды Райкома. Так, например, вопросы свободы совести входят в тему «Конституция СССР» и т. д. Тематика докладов ЦС передана в отдел Пропаганды Райкома, откуда должен в скором времени поступить запрос о высылке методразработок. Среди лекций, намеченных РАЙОНО, имеются на естественнонаучные темы. Например «Происхождение вселенной», «Происхождение человека», «Теория Дарвина».

Мною дана консультация о характере необходимой работы работникам Отдела Пропаганды Райкома, ГОРОНО, краеведческого музея; кроме того во время выездов в сельсоветы проведена беседа с работниками сельсоветов, колхозов и педагогами школ.

В силу того, что в районе, а по-видимому, и в области, нет никого, кто бы мог организовать работу по изучению религиозных настроений среди населения и у кого бы мог концентрироваться собираемый материал, я рекомендовал работникам Отдела Пропаганды Райкома непосредственно сноситься по этим вопросам с Центральным Советом СВБ. Одновременно, для того, чтобы наша связь с районом не порвалась, и можно было быть постоянно в курсе

⁵ Союз воинствующих безбожников.

событий, интересующих ЦС СВЕ, мною был сделан опыт по созданию сети корреспондентов, пока довольно ограниченной; с рядом лиц проведены индивидуальные разъяснительные беседы о задачах данной работы, взяты и оставлены адреса. В число данных лиц входят главным образом педагоги и работники сельсоветов и колхозов:

1. Шолохова – педагог школы, деревня Подлипки.
2. Жуковская – педагог школы деревни Болотце.
3. Голованова –»«–
4. Грибкова –»«–
5. Кленов – председатель колхоза, деревня Василево Первинского сельсовета, старый краевед.
6. Тумаков – директор краеведческого музея.

Литература

1. Снесарев Г.П. *Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма*. М.: Издательство «Наука»; 1969. 336 с.
2. Снесарев Г.П. *Хорезмийские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии*. М.: Издательство «Наука»; 1983. 216 с.
3. Басилов В.Н. *Избранники духов. Шаманство как явление в истории религии*. М.: Политиздат; 1984. 207 с.
4. Басилов В.Н. *Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана*. М.: Наука; 1992. 324 с.
5. Алымов С.С. Г.П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков». *Этнографическое обозрение*. 2013;6:69–88.
6. Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари ЦПО. К вопросу выяснения областных типов и составляющих элементов волго-татарской этнической культуры (Этнические наименования и элементы жилища). *Культура и быт населения ЦПО. Протоколы совещания*. Протокол №8. М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых; 1929. С. 135–149.
7. Поливанов Е.Д. Фонетические особенности касимовского диалекта. *Серия турецких языков*. Вып. I. М.: Институт востоковедения в Москве; 1923. 20 с.
8. Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар: (из поездки в Касимовский уезд). *Труды Общества исследователей Рязанского края*. Вып. X. Рязань: Издание Общества исследователей Рязанского края; 1927. 36 с.

References

1. Snesarev G.P. *Relikty domusulmanskih verovaniyi i obriyaov u uzbekov Horezma* [Relics of pre-Islamic beliefs and rites of Khorezm Uzbeks]. Moscow: Izdatelstvo «Nauka»; 1969. 336 p. (In Russian)
2. Snesarev G.P. *Horezmiyskie legendy kak istochnik po istorii religioznyh kultov Srednej Azii* [Khorezm legends as a source of the history of religious cults in Central Asia]. Moscow: Izdatelstvo «Nauka»; 1983. 216 p. (In Russian)
3. Basilov V.N. *Izbranniki duhov. Shamanstvo kak yavlenie v istorii religii* [Chosen by the Spirits. Shamanism as a phenomenon in the history of religion]. Moscow: Politizdat; 1984. 207 p. (In Russian)
4. Basilov V.N. *Shamanstvo u narodov Srednej Azii i Kazahstana* [Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka; 1992. 324 p. (In Russian)
5. Alymov S.S. G.P. Snesarev i polevoe izuchenie «religiozno-bytovykh perezhitkov» [G.P. Snesarev and the field study of «religious and household vestiges»]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2013;6:69–88. (In Russian)
6. Kuftin B.A. *Tatary kasimovskie i tatary-mishari CPO. K voprosu viyasneniya oblastnykh tipov i sostavlyajushhih elementov volgo-tatarskoj etnicheskoj kul'tury (Etnicheskie naimenovaniya i elementy zhilishha)* [Kasimov Tatars and Mishar Tatars of the Central Industrial Region. On the issue of elucidating the regional types and constituent elements of the Volgo-Tatar ethnic culture (Ethnic names and elements of the inhabitation)]. *Kul'tura i byt naseleniya CPO. Protokoly soveshhanija*. [Culture and life of the population of the Central Industrial Region. The protocol of the meeting]. Protokol №8. Moscow: Tip. PTO MONO pri 1-m Mosk. in-te gluhonemih; 1929, pp. 135–149. (In Russian)
7. Polivanov E.D. *Foneticheskie osobennosti kasimovskogo dialekta* [Phonetic features of Kasimov dialect]. *Seriya tureckih jazykov* [Turkish Series]. Is. I. Moscow: Institut vostokovedeniya v Moskve; 1923. 20 p. (In Russian)
8. Gordlevskij V.A. *Elementy kultury u kasimovskih tatar: (iz poezdki v Kasimovskij uezd)* [Elements of culture of Kasimov Tatars. (on a trip to Kasimov region)]. *Trudy Obshhestva issledovateley Rjazanskogo kraja* [Proceedings of the Society of Ryazan region Researchers]. Is. X, Ryazan: Izdanie Obshhestva issledovateley Rjazanskogo kraja; 1927. 37 p. (In Russian)

Информация об авторе

Сафаров Марат Абясович, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института экономики и управления в промышленности, г. Москва, Российская Федерация.

Эрик Мусаевич Сеитов, аспирант сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии и антропологии им. Миклуха-Маклая, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Marat A. Safarov, Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor of the Department of Humanities and socio-economic disciplines of Institute of Economy and Management in Industry, Moscow, the Russian Federation.

Eric M. Seitov, Ph. D. (History) applicant of the sector of Central Asia and Kazakhstan, Institute of Ethnography and anthropology after Miklouho-Maclay, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01 апреля 2020

Одобрена рецензентами: 25 мая 2020

Принята к публикации: 13 июня 2020

Article info

Received: April 01, 2020

Reviewed: May 25, 2020

Accepted: June 13, 2020